

**ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
В ПОСТТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(на примере современной белорусской антиутопии)**

В недрах белорусской культуры, подобно встречным потокам, взаимодействуют две тенденции: одна из них основывается на фундаменте традиционной восточнославянской культуры, другая опирается на ценности современной западной культуры. Жанр антиутопии, рассматриваемый в исторической динамике, демонстрирует, как эти тенденции формируют различные типы интерпретаций белорусской культуры последних трех десятилетий.

Известно, что в глобализирующемся обществе идет процесс детрадиционализации, который вызывает к жизни противодействующие силы. Возвращение к традициям или хотя бы призывы к ним вернуться, иллюзорные модели «золотого века» той или иной культуры сейчас востребованы как никогда. Утрата традиции провоцирует осознание уязвимости человеческой жизни и нестабильности мира; пессимистическое мироощущение становится психологической основой философских и литературных течений и жанров (от экзистенциализма до литературы абсурда и дистопии). Антиутопия дает свой рецепт «золотого века», но рисует его методом «от противного», показывая, что именно надо исправить для установления идеального общественного порядка.

80-е гг. XX в. стали расцветом белорусской антиутопии: появились пьеса А. Макаёнка («Дышите экономно!..»), роман Э. Скобелева («Катастрофа»), повести В. Гигевича («Корабль») и А. Адамовича («Последняя пастораль»), рассказ А. Наварича («Возвращение сыновей») и др.

Белорусская антиутопия сочетает традиционные и контртрадиционные идеи, иначе говоря, включает в себя разнонаправленные традиции.

Традиционная культура присутствует в белорусской антиутопии в виде отдельных идей и идеологем. Например, само противостояние традиционной и посттрадиционной культуры выражается в бинарной оппозиции «деревня–город». Часто встречающаяся в белорусской антиутопии оппозиция «деревня–город» прочитывается и как «природа–культура», «традиция–новация» (или «старое–новое»), «реализм–модернизм», «культура–

цивилизация», «вера–атеизм», «счастье–несчастье».

Исследуя дуальные модели в русской культуре, Ю.Лотман показал, что антитеза «старое–новое» в смысловом отношении соответствует противопоставлению «Русь–Запад» [1, с.103]. Данная антитеза в белорусской антиутопии может выступать как «Советский Союз–Запад», или как «постсоветская Беларусь–Запад», являясь аналогом оппозиции «наше–чужое». Например, «наше» реалистическое искусство – западный авангардизм, наша «правильная» музыка – рок- или поп-музыка «тлетворного» Запада.

Восприятие «нового» как порчи божественного миропорядка ярко отражается в полемике с техницизмом. В антиутопии техника демонизируется: она предстает в ипостаси «механического человека» (обычный образ псевдожизни и бесчеловечности [2, с.113]), тюрьмы планетарного масштаба, выступает как причина глобального экологического кризиса. Также искажается образ науки: открытия генетиков в антиутопии приводят к появлению врагов человечества, занимающих природную нишу человека, успехи физики – создание интегральных микросхем и микропроцессора – в антиутопии приводят к созданию полностью безвольного, легкоуправляемого «компьюгома» (человекоробота). Нововведения в политике, например «перестройка», ассоциируются с концом света и нашествием inferнальных сил (Ю. Фатнев, «Ладья Харона»).

Антиутопия пытается предугадать лицо будущего. Так возникают образы человекоробота с электронным мозгом и противостоящего ему человека (А. Наварич «Возвращение сыновей»). Конфликт между данными персонажами отражает конфликт «неестественного» и «естественного», т.е. индустриального мира и традиционной культуры. За индустриальным миром закрепляются негативные атрибуты: зараженная земля, запустение (используется образ заросшего сорными травами и радиоактивного «райского сада»; последний выступает лишь в качестве архетипа). Тот же тип конфликта воплощается в рассказе О. Минкина «Корова», в котором крестьянин противостоит целому миру, враждебному, загрязненному промышленными отходами. В этом рассказе корова-кормилица олицетворяет собой саму жизнь, и с ее гибелью погибает сам человек. В повести В. Гигевича «Корабль» тоталитарное государство является и псевдопланетой с искусственно созданной природой, причем наличие настоящей

планеты-родины от людей скрывается, т.е. продукт высокоразвитой техники («искусственное») подменяет собой Землю («природное», «родное»).

Стремление к гармонии между человеком и природой, благоговейное отношение к крестьянскому труду и земле (а она при этом ассоциируется с Матерью и Родиной), корнящиеся в традиционной культуре, становятся причиной идеологического противостояния антиутопистов и современного быстро трансформирующегося мира. В качестве альтернативы индустриальной реальности предлагается близость к природе и «естественный» образ жизни, однако этот образ жизни является не чем иным, как идеализированной жизнью крестьянина. В отдельных антиутопиях предлагается отказаться от использования механизмов, начать самим пахать и сеять и т.п. В духовной сфере альтернативой современному секуляризованному миру становится традиционная религиозность. К примеру, в антиутопических притчах В. Быкова говорится, что все беды происходят оттого, что люди пренебрегли божьими и человеческими порядками, а конкретно – заветами Христа.

Поворот в сторону традиции, возрождение белорусской культуры и изменение статуса языка отразились и в содержании, и в языке антиутопии: первые антиутопии (А. Макаёнка, Э. Скобелева, А. Адамовича) были опубликованы на русском языке, последующие (В. Гигевича, А. Наварича, О. Минкина и В. Голкова, Н. Костюкевича, В. Супрунчука и других) публиковались на белорусском. В отдельных произведениях, хоть и с помощью эзопова языка, но, тем не менее, вполне отчетливо озвучивается призыв Ф. Богушевича: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі». Обычный для антиутопий мотив утраты языка в белорусской антиутопии приобретает иной смысловой оттенок: это утрата не только человеческой сущности, человеческого достоинства, но и национальной самобытности и культуры.

Антиутопия, как можно судить, исходя из ее жанровых особенностей и совокупности используемых мотивов, является «секуляризованным апокалипсисом», т.е. имеет конкретный прототип – жанр откровения, сформировавшийся в рамках иудаизма и христианства около двух тысяч лет назад. Но анализ антиутопического мироощущения приводит к выводу, что смыслопорождающим истоком антиутопии является более древняя традиция, восходящая к мифологии древнего Ближнего Востока.

Смутное ощущение, что мир хаотизируется, утрачивает основополагающие ценности культуры и деградирует, опирается на древнейшие представления о старении и разложении мира и последующем его обновлении.

Антиутопия обладает рецептом этого «обновления», как бы имплицитным набором рекомендаций по улучшению общества и даже человечества. Примечательно, что, как в обществах древности обновление мира напрямую связывалось со сменой царя-жреца, так и в антиутопиях «неправильный» миропорядок в большинстве случаев связан с «неправедной властью», против которой герой канонической антиутопии восстает. Среди множества целей антиутопии (политических, экономических, культурных, эстетических и пр.) выделяются те, которые связаны с традиционными ценностями: 1) сохранение нематериального культурного наследия (устной традиции, языка, религии, знаний и практики, касающихся природы); 2) защита от идейной (культурной) экспансии; 3) закрепление традиционно (патриархально) понимаемых гендерных ролей; 4) возвращение к крестьянскому образу жизни. Отдельные радикально настроенные авторы антиутопий (Ю. Станкевич, В. Супрунчук) размышляют о том, что страну надо оградить от губительных иноземных влияний. Вера в возможность изоляции Беларуси в эпоху глобализации утопична.

Сам пафос правдоискательства, психологическая доминанта антиутопии, опирается на традиционные представления о Правде и Кривде. Первый элемент этой бинарной оппозиции в славянской культуре всегда ассоциировался со справедливостью и жизнью [3, с.329]. Герой антиутопии ищет свою «человечную» Правду: «Правды без человека не бывает» (эта фраза повторяется в антиутопиях Э. Скобелева и В. Гигевича. Также А. Адамович писал, что не бывает идей, равноценных жизни человечества или отдельного народа) [4, с.245]. Парадокс антиутопии в том, что, пропагандируя коллективизм, патриархальный образ жизни и др. традиционные ценности, автор рисует главного героя – а это рупор авторской позиции – индивидуалистом и выразителем сугубо западных, либеральных ценностей.

1. Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – С. 88–116.

2. Лотман, Ю. М. Что дает семиотический подход? / Ю. М. Лотман // Воспитание души. – СПб.: Искусство–СПБ, 2003. – С. 113–115.

3. *Иванов, В.В.* Правда и Кривда / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – Т.2: К–Я. – С. 328–329.

4. *Гігевіч, В.* Карабель: аповесці, раман / В. Гігевіч. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 460, [2] с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ